

"Академия смеха"

25-29.10.2007
Митавы
Т-ры Пушкина

Ай да цензор, ай да сукин-сан!

"Академия смеха" К.Митавы
в Театре имени Пушкина /

Для своего "малого" дебюта в филлиале Пушкинского театра новый главный режиссер Роман Козак выбрал пьесу, столичной публике не знакомую. "Академию смеха" японского автора Коки Митавы. Пьесу замечательную, оригинальную, тонко и остроумно препарирующую как театральное "нуэро", так и взаимоотношения людей театра с далеким от сцены миром. Оказалось, эти параллельные миры испытывают друг к другу странную и страстную тягу, при всем кажущемся внешним разлечии.

Маленькая импровизированная сцена с ее миниатюрно-стилизованым японским антуражем (карпиковые бамбуковые пагоды, фонарики, низкие столики, циновки) при всем этом явно напоминает боксерский ринг (художник-постановщик В.Платонов). Или строго огражденный красной линией загонок, где, по их собственному определению, "бодаются" два непримиримых существа: Цубаки (Андрей Панин), драматург и руководитель театра "Академия смеха", и Сакисака (Николай Фоменко), некогда подавлявший бунты в Маничжурии, а ныне, по иронии судьбы, назначенный театральным цензором. Без труда читается между строк намек на вечные проблемы. Художника и власти, например. Или знаменитый вопрос: "А судьи кто?". В очередной раз теоретизировать по этому поводу было бы нелепо и скучно. К счастью, Митавы и Козак решают проблемы "в лицах". Лица же эти, при всей серьезности момента, уморительно смешны.

Японские актеры, как известно, играют в масках. Н.Фоменко умудрился сотворить "маску" из собственного лица — крючковатый нос, нависающий над угрожающе выпяченной вперед нижней челюстью, бритая голова, каменный лоб и суровая невозмутимость взгляда. Цензор, по несчастью, начистил лишь чувства юмора — вскирывать же ему выпадает пьесу из репертуара

"Академии смеха". Бедный, бедный Цубаки — Панин, похожий на встрепанную птицу с хохолком на голове. Ну как объяснить этому бывшему полицейскому "трюпести" коимарческого юмора типа бесконечно повторяющейся фразочки: "Извините, я в трусах"? Как определить разницу между "хорошим" и "популярным" артистом? Цубаки — Панин нервно подпрыгивает, заикается, подговывает цензору корбочки с печеньем, забирается на балкончик и мечется по сцене-рингу, проигрывая всю пьесу и импровизируя на ходу. Невозмутимый Сакисака — Фоменко, сложив руки за спиной, по-военному вышагивает взад-вперед, бросая отрывистые гортанные фразы с лейтмотивом "запретить!". Или монотонно "штампует" вымаранные страницы, доводя несчастного драматурга едва ли не до инфаркта, — обливаясь потом, тот хватается за сердце, балансируя на шатком стульчике. Пока не услышит страшную походя брошенную реплику: "Это не ваша пьеса".

Впрочем, цензор вовсе не туполовый японский божок. Он просто по-человечески "нормален" (глас издержки прежнего рода деятельности) рядом с "сумасшедшим" творцом. Но взаимоотношения Сакисака — Фоменко хочется назвать не меньше. Сначала робко, а потом все более увлекаясь, он неожиданно начинает давать собственные "театральные" советы, постепенно втягиваясь в такую далекую его человеческой природе игру. Мгновенно поддается на притягательный театральный крючок, едва увидев в исправленном тексте пьесы собственные фразы. Не ожидая от себя подобной прыти, начинает подыгрывать драматургу, ползая по сцене и выкрикивая дурацкие реплики от лица им же придуманного персонажа. А его сюсюточ полувовенного образа вдруг сменяется вполне театральным костюмом, в нашитых узорах которого странным образом

упадываются очертания чайки со мхатовского занавеса. Глаза теплеют, "маска" съезжает набок, итациии смеются. Ну не странные ли метафоры?

Нет, не странные. Потому что далекая от совершенства "Академия смеха" невольно становится остробком единения людей разных профессий и взглядов на жизнь. И каждая новая их встреча по поводу пераделки пьесы полнится вполне бытовыми, житейскими разговорами — о залетевшей вороне, жене, которую птица эта клюнула в ухо... Так же плавно, почти без перехода они вновь возвращаются к Шекспирову театру, "патриотизму". Персонажи-актеры и впрямь становятся дуэтом. Наступает момент, когда и слова уже не нужны, они звучат "закадровым" фоном, — перед нами же два театральных "японца", виртуозно отплясывающие нечто на стилизованно-национальную тему. Прием "театра в театре" возводится уже не в квадрат, а в куб, вызывая взрыв аллюдижментов в зрительном зале.

Впрочем, единение "сцены" и "власти" отчасти иллюзорно. Ближе к финалу, практически оплывая в творческом экстазе, наши герои вновь начинают расходиться по разные стороны рампы. Заговаривают серьезно, без трюков и хох. Каждый о своем. Драматург — Панин больше не безбедит. Цензор — Фоменко поправит "маску". Они так и не договорятся, "бодание" начнет новый виток. Такова театральная жизнь. Несмотря ни на что, оставляющая надежду — на возрождение Пушкинского театра, режиссерские озарения Козака, совершенствование актерского мастерства. Ничего, что пока этот любопытный спектакль больше тяготеет к антрепризному постановке, сегодня так грешат практически все стационары. Остальное — дело времени.

Ирина АЛПАТОВА



Сцена из спектакля. А.Панин — Цубаки, Н.Фоменко — Сакисака